

2

Кай всплыла на поверхность, тяжело дыша и отплевываясь. Отец уже забрался в лодку — с его бледного лица градом катились капли воды. Он перегнулся через край и помог Кай забраться внутрь. Мама лежала между скамьями, свернувшись в клубок. Кай отвернулась — ей невыносимо было видеть ее такой.

— Он уплыл вон туда! — Кай указала в море.

Отец направил лодку в указанную сторону, а потом повернул, следуя за тенями на пестрой воде.

И как Кай не поняла, что сон был предостережением?

Когда Хамако рассказывала о бакэ-кудзире, она зажигала во всей комнате свечи, облачалась в белую робу и вытягивала руки, изображая в этом тусклом свете кита, спасшего от ужасного шторма рыбацкое суденышко. Вместо благодарности за безопасное возвращение домой деревенский староста приказал рыбакам убить кита — ведь его мяса хватило бы на целую зиму. Рыбаки, конечно, отказались.

Когда Хамако добиралась до той части истории, в которой староста выходил на кита с гарпуном, она делала вид, что теряет сознание, и падала на пол. Накрытая своей белой робой, она лежала без движения до тех пор, пока Кай и Киши не приближались к ней на цыпочках и не поднимали ткань. Тогда Хамако вскакивала, а сестры заходились радостными криками. Хамако кружилась по комнате, изображая призрачного кита, который распугивал рыб и нападал на рыбацкие лодки. Это продолжалось до тех пор, пока жители деревни не принесли его убийцу в дар морю. Увидеть призрачного кита — к беде. Морские боги гневаются. Но Киши не заслужила наказания.

«Это я нарушаю правила, — подумала Кай. — Я — плохой близнец».

Что, если кит забрал сестру по ошибке?

Их лодка носилась по морю, казалось, целую вечность, меняя курс всякий раз, как Кай замечала вдалеке водную рябь. Когда солнце поднялось высоко в небо, глаза ее уже горели от боли, а руки отца тряслись от усталости. Мама все так же качалась, плача, — надрывный звук ее рыданий пронзал Кай, будто копьё.

— Нужно вернуться и попросить других помочь в поисках! — произнес отец, стирая со лба капли пота.

— Нет! — пронзительно вскричала Кай. — Мы потеряем время!

— Кай, мы останемся в море навсегда, если я не перестану грести, — выдохнул он.

— Тогда позволь мне! — Кай попыталась выхватить у него весла. — Папа, пожалуйста!

Он не выпускал весел, как бы сильно Кай ни тянула. Тогда она опустила руки, схватилась за голову и, повернувшись к морю, издала душераздирающий крик.

— Прости, Кай.

Отец развернул лодку. В глазах его блестели слезы.

Когда умерла Хамако, мама завернула ее тело в полотенце и держала ее в объятиях, пока они не приплыли домой. Кай тогда никак не могла отвести взгляда от пустых глаз тети. Она, казалось, не чувствовала грусти — внутри нее словно образовалась ледяная пустота. Кай не могла поверить в смерть Хамако. Может, она притворяется? Да, должно быть, это так. Как тогда, когда она изображала смерть бакэ-кудзиры. Кай верила, что Хамако вот-вот вскочит на ноги, хитро улыбнется и закричит: «Попались!» Миновало множество сезонов охоты за жемчугом, а пояс тети все так же висел на крюке в комнате, и пустота так и не отступила.

Теперь же Кай будто превратилась в самую боль — хуже, чем тысячи укусов медуз. Ее словно пронзил мечом забредший как-то в деревню солдат — он ведь предупреждал, что, если они не поделятся своим добром, так и произойдет.

Наконец они добрались до берега: лодка скользнула на песок, отец выпрыгнул на сушу и тут же свалился от усталости, ободрав ладони и колени о камни. Он с невероятным усилием оттащил лодку подальше от воды. Мама взвыла. От ее воя у Кай стучали зубы. Нужно было убраться отсюда подальше.

Она схватила две грязные корзины с моллюсками и отнесла их на веранду. Поставила у двери и зашла

в дом, чтобы переодеться. Кай заглянула в спальню, которую делила с сестрой, и у нее перехватило дыхание. Сначала Хамако, а теперь и Киши. Кай стащила с себя шарф ныряльщицы и закинула его в угол, а потом достала из-за пояса нож Хамако и бросила его в стену — на ней остался след. Тяжело дыша, Кай упала на futon и схватилась руками за голову. Ледяной ужас проникал в нее, поднимаясь от земляного пола, расцветал в груди и вырывался из загрубевших кончиков пальцев. Она поссорилась с сестрой прямо перед нырянием. Почему, почему она такая глупая? Она ведь знала, что несчастье может поджидать когда угодно! Знала, потому что это уже случилось с Хамако! Кай услышала, что родители возвращаются в дом, и быстро переоделась в белую рубаху с широкими рукавами, которую заправила в желтоватокоричневую юбку-брюки. Ей стоило бы разобрать оставленных на веранде моллюсков — хоть как-то помочь матери. Киши бы так и сделала. Но Кай не стала. Просто не могла. Вместо этого она вернулась к лодке.

Кай подняла с лавки темно-синюю куртку и завернулась в нее, дрожа под лучами яростно палящего солнца. Через несколько минут из дома выскочил отец и бросился к деревне — к рыбакам в доках. Когда он вернется, Кай отправится на поиски вместе с ним. Ее сестра все еще где-то там, в море. Если бы она умерла, Кай бы это почувствовала, разве нет?

Входная дверь распахнулась, и на веранду вышла мать, одетая в шелковое платье цвета морской волны — благодарность знати за хороший жемчуг. Даже

у жены деревенского старосты не было такого красивого платья.

— Пойду в храм, помолюсь, — сказала мама; кожа вокруг ее глаз покраснела и припухла. — Пойдем со мной.

Кай покачала головой:

— Я вернусь с папой в море.

Мать скривила лицо так, словно проглотила маринованный редис, втянула щеки и нахмурила брови.

— Пусть мужчины делают свою работу, — произнесла она. — А мы пойдем в храм.

— Но я могу помочь! — возразила Кай.

— Они умеют искать, — сказала мама.

— Я хочу остаться с папой, — настаивала Кай.

Мама опустила взгляд. На лице ее калейдоскопом сменялись эмоции.

— Ты знаешь, каково нашей семье в этих краях, — прошептала она. — Если в лодке ты будешь кричать и плакать, мужчины почувствуют себя неуютно. Прощу... с тобой им станет только сложнее.

Кай скрестила руки на груди и сжала губы.

Мама сверкнула глазами.

— Ну почему ты такая упрямая? — закричала она. — Почему не слушаешь меня? Этого не случилось бы, если бы вы не играли в свои дурацкие игры!

Выпалив это, она тут же поднесла ко рту ладонь, но было слишком поздно.

Внутри Кай все перевернулось — она будто провалилась под лед, в холодную-холодную воду. Киши не пропала бы, если бы она позволила ей выиграть. Мама была права.

— Не говори так! — закричала Кай, хотя знала, что та права.

Она вылезла из рыбацкой лодки и столкнула в воду маленькую, двухместную, которую отец сделал для них в прошлом году в качестве подарка на Новый год.

— Прости! — взмолилась мать. — Возвращайся домой. Нам нужно успокоиться. Кай, прошу тебя!

— Нет! — закричала она, запрыгивая в лодочку и начиная грести так быстро, как только могла, отважно сражаясь с течением. — Я найду Киши!

Мама забежала в воду по самые колени.

— Кай! — отчаянно звала она.

По лицу Кай струились слезы. И мама, и берег — все расплывалось. Она гребла, пока хижина не превратилась в точку на горизонте. Пока не заболели плечи, пока не лопнули мозоли, появившиеся на ее руках. Когда боль от них стала нестерпимой, Кай втянула весла в лодку и рукавом утерла с лица слезы и пот. Где-то слева от нее, поднимаясь над волнами, словно панцирь испуганной черепахи, лежал Бамбуковый остров. Кай попыталась разглядеть рыбацкие лодки, но поискового отряда не увидела. Она могла бы дождаться отца и остальных мужчин. Он бы попытался убедить ее, что в случившемся нет ее вины. Но Кай бы ему не поверила, и все стало бы только хуже. Даже хуже, чем честные мамины слова.

Она рвано вдохнула и вновь утерла лицо рукавом. Голова болела от непрерывных рыданий. Раньше Хамако частенько брала ее с собой на Бамбуковый остров — там они исследовали лавовые пещеры. Она помнила, что где-то между пляжем и скалами высился

курган. Хамако рассказывала, что он был местом захоронения гигантского карпа, который решил потягаться с Драконом-повелителем — морским богом, живущим в коралловом дворце глубоко в Свежем море. Другие жители деревни, с куда более скудным воображением, говорили, что это была могила кита из преданий. Может, бакэ-кудзира поплыл туда?

Кай направила лодку к острову. Добравшись до берега, она выпрыгнула из лодки и вытащила ее на песок. По усеянному бамбуковым лесом холму гулял легкий ветерок, в ярко-голубом небе висели перистые облака, похожие на рыбью чешую. Такой до ужаса обычный день, такой прекрасный... Можно поверить, что призрачный кит им просто приснился и Киши вот-вот скажет: «Просыпайся, соня, пропустишь собственное посвящение».

Кай была на этом острове всего за несколько недель до смерти Хамако. Ветер тогда растрепал ее отросшие до плеч волосы так, что они стали похожи на львиную гриву. Тетя шла вперед очень стремительно.

«Помедленней», — попросила Кай.

«Надо успеть в пещеры, пока не начался прилив, — прокричала Хамако в ответ. — Разве ты не хочешь спасти несколько улиток? Одна из них может оказаться принцессой, которая приведет тебя к Дракону-повелителю!»

Кай закатила глаза, потому что с тех пор, как они в последний раз спасали улиток, прошло уже три сезона.

«Я уже не ребенок, тетя Хамако», — возразила она.

Стоило вести себя вежливее. К горлу снова подкаптал комок.

Кай побежала по пляжу в сторону скал. До кургана она добралась в считанные минуты — ничем не примечательный, собранный из камней и раковин, он оказался куда меньше, чем Кай помнила. Она скинула сандалии по другую сторону кургана, ближе к скалам, и разделась, оставшись лишь в своей рубашке с широкими рукавами, а затем зашла в воду. Нырять верили, что белая одежда приманивает удачу, но Киши это не спасло. Над линией воды виднелись своды скальных пещер. Кай проплыла вдоль залива, изредка ныряя, чтобы проверить — не забрался ли призрачный кит в одну из пещер? Нет, ни следа. Курган вскоре скрылся из виду; Кай устала. Она чувствовала себя такой же глупой, как каменотес в одной из тетиних историй: он разбазарил все волшебные желания, пока сам не превратился в камень, добычу другого каменотеса. Море огромно: призрачный кит мог уплыть куда угодно.

Она решила осмотреться, по-лягушачьи проплыв мимо выступающих из воды камней — туда, откуда взлетела стайка белых цапель. Может, солнечный свет играл с ней злую шутку, но на поверхности что-то блестело. Кай сделала глубокий вдох, нырнула и подплыла поближе к затопленному белому камню. Белому камню с огромными круговыми отпечатками... Это же глазница призрачного кита! Кай заработала руками и всплыла на поверхность. Она умудрилась глотнуть воды и теперь кашляла и отплеывалась. Чудовище не двигалось. Может, оно спит?

Кай бесшумно скользнула в воду, проплыла мимо четырех длинных костей — должно быть, плавника — и остановилась у загнутых пластин, составляющих грудную клетку. Там, между ребрами, она увидела Киши — та лежала на боку с закрытыми глазами, будто подвешенная в воде. У Кай защемило сердце. Она не могла умереть! Не могла! Из ее горла рвался крик, и она всплыла, чтобы прийти в себя. Кай болтала ногами, держась на воде и не зная, что делать дальше. Даже если Киши мертва, она не может оставить ее киту.

Кай осторожно подплыла к голове кита и осмотрела его пасть — сбоку она походила на утиный клюв. Гладкая верхняя челюсть чуть выступала над водой. Нижняя, длинная и узкая, походила на гигантскую пилу. Кай, ни минуты не раздумывая, нырнула и проскользнула между острых зубов, похожих на пещерные сталагмиты. Она плыла, вытянув руки, пока не уткнулась пальцами в мягкую поверхность. Затем она проползла по глотке призрачного кита и поднялась, стоя по колено в воде. Она склонила голову — над ней повис ярко-голубой шарик. Должно быть, китовое дыхало. Кай отыскала глазами белую вилочную кость, примостившуюся там, где начиналась грудная клетка. Она осторожно ступила вперед — нога обо что-то ударилась. Кай нащупала покатошь: на третьем шаге она поскользнулась и кубарем полетела вниз. Ее окружала вода, но Кай совсем не намокла. Так странно. Она, покачнувшись, поднялась и почувствовала, как к горлу подступает тошнота — внутренности кита пахли гниющими водорослями.

Кай развела в стороны руки и нащупала мягкую мембрану, понадеявшись, что трубка приведет ее прямо в желудок. Далеко внизу и по бокам мелькали серебром стайки рыб. Ход в невидимой трубе распрямился, и под ногами Кай затрещали рыбы плавники и ракушки. Запах гнили усилился — от него буквально жгло глаза, и Кай снова замутило. Она зажала нос и сделала глубокий вдох — лишь бы не вырвало. Раньше Кай постоянно закатывала глаза, стоило матери заговорить о том, что плыть нужно, делая один гребок за раз, но сейчас этот совет пришелся как нельзя кстати. Кай сосредоточилась на одном шаге. Еще один. И еще. Сияющие белые кости сжимались вокруг нее, словно когти дракона, завидевшего золотое яйцо, — она видела такую картину на храмовом потолке в столице. Те когти принадлежали Дракону-повелителю, единственному существу, способному потягаться с бакэ-кудзирой в чудовищности.

— Раз, раз, раз, — шептала она, отсчитывая шаг за шагом.

Здесь, внутри кита, ее кожа казалась бумажной, голубовато-белой. Впереди замаячила тень — чем ближе Кай подходила, тем отчетливее различала белый треугольник шарфа Киши. Она ринулась вперед, не сдержав крика, и упала на колени, положила на них голову сестры. Ее лицо было синего оттенка, но все же она неглубоко дышала.

— Киши! — Кай легонько хлопнула сестру по лицу. — Я здесь! Очнись!

Послышался рокот. Нужно выбраться до того, как кит начнет движение. Если он нырнет и отправится

в открытое море, они обречены. Кай схватила Киши под руки и потащила назад, к пасти чудовища. Под стопами Киши собирались осколки плавников и раковин.

— Будешь мне должна, Киши, — пробормотала Кай, чтобы отвлечься. — Будешь ездить с отцом в столицу без меня.

У склона, ведущего к пасти кита, Кай замедлилась — тут поскользнуться никак нельзя. По лбу и под коленями бежал пот.

— Помнишь, как мы ходили в дом женщины, что когда-то была приближенной императрицы? И она сказала, что добавит близнецов продавца жемчуга в свой список «жалких вещей»?

Та старая женщина прославилась тем, что писала о жизни при дворе. Она сидела за украшенной орнаментом ширмой и говорила громко и вздорно, чтобы ее было слышно всем. Она сказала, что близнецы займут место между «внутренностями кошачьего уха» и «меховым платьем без подкладки». Прислужница, судя по всему, любила свою хозяйку еще меньше, чем простой люд, потому что она тогда покачала головой и произнесла:

— Не обращайтесь на нее внимания. Никому нет никакого дела до ее списков. Больше нет.

Дамы столицы проживали жизнь, ни в чем не нуждаясь, но Кай не поменялась бы с ними местами даже за все жемчуга в мире. Отец называл их сомами в шелковых одеяниях, потому что они едва могли нормально передвигаться и видеть из-за того, что постоянно находились в темных, мрачных комнатах. Им никогда

не познать радость открытого моря и прикосновений солнца к коже.

— Ты должна очнуться, Киши. Чтобы однажды, когда военачальники захватят столицу, мы закидали ту даму со списками, кошачьими ушами и меховыми платьями без подкладки, — умоляла Кай.

Они добрались до горла кита — воздух здесь посвежел, и Кай смогла отдышаться. Они находились где-то под невидимым мозгом бакэ-кудзиры. Снятся ли призрачным китам сны? Может, потому он и рокотал? Или он почувствовал, как ноги Кай впиваются в него изнутри? Она перехватила Киши поудобнее, подтянула к груди и потащила ее по конусу нижней китовой челюсти. Вода быстро поднялась до лодыжек, а потом и до бедер. Чтобы выбраться, им придется некоторое время продержаться под водой, вдруг поняла Кай. Она поплыла на спине, прижимая Киши к груди и наблюдая за тем, как верхняя челюсть бакэ-кудзиры становится все тоньше и тоньше. Когда они оказались под водой, Кай зажала сестре нос. Они проскользнули мимо острых китовых зубов, и Киши вдруг дернулась. Кай потянула, а потом поняла, что Киши зацепилась лодыжкой за один из зубов. Проклиная все на свете, она попыталась вытащить Киши, не отнимая рук от ее носа и рта. Где-то над ними ударил из дыхала фонтан. Чудовище пробудилось. Кай дернула еще раз и освободила ногу Киши. Кай не жалела сил — она вынырнула на поверхность, жадно хватая ртом воздух, и притянула Киши поближе. Времени на то, чтобы проверить, дышит ли она, не осталось. Кай как можно быстрее поплыла к берегу вместе с сестрой.

Бакэ-кудзира рванул вперед. Время словно замедлилось. Длинные острые челюсти широко раскрылись. Кай отчаянно работала ногами, но с каждым движением все четче понимала, что течение затягивает их обратно внутрь. Небо вдруг сменилось на белые кости, и Кай отчаянно вскрикнула. Челюсти захлопнулись. А потом она услышала громкий стук, и мир перевернулся.

Небо и море поменялись местами. Волна ударила ее, вырвав Киши из ее объятий. Ее облепили тени, плотные, как штормовые облака. Кай болталась под водой, не в силах отличить верх и низ. Легкие ее умоляли о глотке воздуха. Она прижала обе ладони ко рту, но тело отказывалось подчиняться. Вода ринулась вперед, внутрь, и темнота подхватила ее.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

